

СИЛЛОГИЗМ О СЛОВЕСНОСТИ

Силлогизм как форма рассуждения состоит из двух посылок и заключения, в котором даётся вывод, суммирующий общий смысл отдельных положений. Возьмём и сопоставим для примера две прописные истины.

Россия — страна логоцентрическая.

Россия — страна казённая.

Какой вывод следует из сопряжения этих утверждений? Если следовать формальной логике, то на выходе образуется постулат:

Родная литература — дело государственное.

Нравится это вам (*извините* — нам. *так корректнее*) или нет, но культуртрегерская практика на каждом этапе нашей истории подтверждает данное теоретическое положение. Другое дело — как толковать этот факт. Власть стремится направлять литературу по генеральной линии державной идеологии, а общественность старается в литературном процессе настраивать систему отношений личности и власти по параметрам времени.

Российская государственность и русская словесность являются двумя явлениями одной целенаправленности, и пока между ними нет согласия, отечественная история так и будет двигаться судорожными рывками — от экстазиса к кризису, от кризиса к экстазису.

ПРИМЕЧАНИЕ. *Экстазис в экзистенциальной философии означает пребывание вовне, то есть отрыв от действительности. Кризис в социологическом дискурсе означает разлад системности, когда ход событий меняет порядок вещей непредсказуемым образом — и болезненным способом.*

Россия — страна истари логоцентрическая. В начале нашей истории было «Слово о законе и благодати», и сила русского духа из века в век прирастала словесностью.

Золотой век, озаменованный явлением Пушкина, был обусловлен всем духовным богатством и нравственным достоинством просвещённого сословия, — и его опосредованный опыт стал надёжным основанием национальной гордости великороссов. Только с явлением великой литературы Россия стала поистине мировой державой. Кто станет с этим спорить, единственно, что сможет доказать — свою необразованность.

Серебряный век, исполненный духовных исканий, не предотвратил социальной катастрофы, — но вера в лучшее, нашедшая выражение в поэзии и прозе революционного времени, пережила ледниковый период идеологии, чтобы прорасти в оттепель новыми надеждами. Величие СССР зиждилось на прочном фундаменте тысячелетней культуры.

Как изменилась культурная ситуация с отказом страны от социализма? Нельзя сказать однозначно. Но общая тенденция вызывает тревогу. Утрата интереса к литературе сопровождается обеднением обывденного языка и предшествует деградации социума. Это очень просто понять, если вспомнить, что такое *язык*. Разумное существо от неразумного отличает качественно иное свойство высшей нервной деятельности: *вторая сигнальная система — свойственная человеку система условнорефлекторных связей, формирующихся при воздействии речевых сигналов, то есть не непосредственного раздражителя, а его словесного обозначения*¹. Это значит, что человеческая реальность есть договорённость об окружающем мире, обусловленная естественным языком, и упадок словесности будет проявляться как убыток действительности.

Что век грядущий нам готовит? Вернее сказать, готовы ли мы ответить на вызовы нового времени? Рабочее напряжение креативного потенциала — государственная задача первостепенного значения. Мотивация культуры не менее важна для национального процветания, чем стимуляция экономики. В то время как культурная стратегия у нас зачастую сводится к номенклатурной тактике. Движение мысли подменяется выдвиганием тезисов. Место литераторов занимают ораторы. Сгущение пафоса затмевает ясность мысли. Российское общество, опустошённое отступничеством от былых идеалов, ожидает возрождения духовности, — но храни нас Боже от ренессанса фарисейства...

Россия — страна логоцентрическая; высшим воплощением явления слова, величайшим изобретением критического разума, стала книга — удивительный феномен, в котором происходит соединение идеального и материального уровней культуры. В книге как артефакте чудесным образом дано нераздельное и неслиянное существование текста и смысла. Книга во всех мыслимых форматах — от многотомной энциклопедии до газетной подшивки — является залогом единства поколений, вырабатывавших книжность как священное место словесности.

Книги имеют свою судьбу; тексты любой степени сложности имеют лишь служебную функцию. Комбинации слов, не нашедшие книжного пристанища, становятся всего лишь виртуальным кормом ума. Книга в цифре — не книга, а всего лишь возможность ознакомления с неким словесным материалом. Тексты, развоплощенные до виртуального облачка компьютерных символов, обречены на эфемерность. Слова, рассыпанные по потокам электронов, рассеиваются в информационном пространстве, не достигая своей цели — понимания. Таким образом в сфере сознания вместо

¹ Большой энциклопедический словарь.

понятий образуются *представления*. Свято место, как известно, пусто не бывает. Место смыслов в общественном сознании, отказавшемся от вербальной работы в пользу визуальной образности, займут фантомы.

*Книги — реки, напояющие вселенную*¹. Файлы, исполняющие функции книг — всего лишь сухие русла, по которым стремительно и сиюминутно протекают электронные ветры, пролетающие над умозрительным ландшафтом времени. По берегам пересохших рек прорастают тернии и волчцы, и в этих зарослях заводится всякая нечисть.

СЛОВЕСНОСТЬ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

За последние десятилетия система словесности претерпела кардинальные изменения: в сфере массовых коммуникаций произошла информационная революция. По ходу утверждения новых интеллектуальных технологий большая часть грамотного (и полуграмотного) населения попала во всемирную паутину. А в беспределе интернета всё иначе, чем в порядке мировой культуры. Интернет суть коммуникативный промискуитет: тотальное господство случайных связей. Никто никому не указ, ничто ничему не край. Что хочу, то и ворочу. Те, кому нечего сказать, оказались самыми разговорчивыми. Сбылось пророчество Маршала Маклюэна: *the medium is the message*². Быть — значит, быть на связи: быть в теме, быть в курсе, быть в речи. Чтобы иметь значение, особых способностей не надо — достаточно амбициозности и активности. В виртуальном пространстве меняются параметры популярности. Иерархия ценностей отменяется: кому быть в авторитете, решается сговором интересов. Правила поведения теряют нормативность. Правила правописания утрачивают директивность. Блаженны голимые, ибо их есть право на комментарии. Виртуальная стая анонимных Сальери травит Моцарта: *аффтар, вытей йаду!* Для нищих духом интернет — перманентный майдан. Несть власти, аще не от Сети. Последние слова становятся первыми в речи, свергнувшей иго регламента...

В ходе модернизации литературного процесса на Парнасе, священной вершине умозрительного ландшафта, также произошла смена руководства. Мнемозину, богиню памяти, заместила Фама, богиня молвы, и все девять муз вынуждены ей прислуживать — словно несчастные падчерицы злой мачехе.

В стороне от основных дискурсивных потоков, на обочине информационного общества, трудно рассуждать о разрыве словесности и действительности, свойственном нашему образу жизни. Как ни старайся, получается не анализ, но анамнез. Противоречие между тем, что говорится, и тем, что делается, порой кажется непреодолимым. Между экзистенциальными позициями пафоса и скепсиса — зияние, в котором бесследно исчезают все прекрасные иллюзии. В порядке планового производства государственной идеологии это несоответствие особенно разительно. Особенно в кризисы. Вот, в связи с обострением международной ситуации на повестку дня снова ставится вопрос об особом русском пути. Камо грядеши? Хорошо мотивированные оптимисты уверяют, что социально озабоченная власть ведёт народ трудной дорогой в рай, — а хорошо информированные пессимисты утверждают, что благие намерения ведут в другое место...

Публичные высказывания, оторванные от реальности, порождают ментальные миражи. Уставшие от тяжести жизни, мы уже почти готовы согласиться, что и впрямь верим в то, в чём нас уверяют. О, наведённый морок пропаганды! О, мёртвая вода

¹ Повесть временных лет.

² (англ.) — средство сообщения есть содержание.

кривды! Сколько её ни лей, пользы от переливания из пустого в порожнее меньше, чем мало. Казалось бы — все сложилось и срослось... но жизни в том нет. *Одна из целей лжи — скрыть её причину*¹. Что же мы хотим скрыть, делая вид, что не видим того, что видим?

Мы лжём потому, что не хотим оказаться в ложном положении. Когда все блага земные сосредотачиваются в центре житейского круга, очерченного господствующим мнением, мы боимся оказаться крайними. Когда общее дело не ладится, начинается активный поиск виноватых. И тогда каждый, кто говорит не в лад, может попасть в круг подозреваемых в сговоре с неблагоприятными обстоятельствами: *из-за таких, как ты...* И никто, кроме немногих блаженных и праведных, не сможет предъявить морального алиби.

В нашей общественной жизни изо дня в день создаётся множество ситуаций, когда желаемое так некритично выдаётся за действительное, что теряешь уверенность в том, что критерии действительности ещё в силе. Казалось бы, на то и свобода слова, чтобы освободить пути к истине — как от властного произвола, так и от самовольного беспредела. Однако в нашей жизни всё устроено не так, как узаконено. Критическое высказывание приравнивается к протестному выступлению, а принципиальное возражение должностному лицу расценивается как посягательство на авторитет власти. Так что прения допускаются только при условии предварительного согласия. Язык нам дан для того, чтобы выражать свои мысли, а мозги для того, чтобы не давать воли языку. Как сказал однажды спикер нашего парламента, — парламента не место для дискуссий. Правда, для чего он тогда нужен, спикер не сказал. Да все и так знают. Для того, чтобы разрыв между словесностью и действительностью заполнить законодательной деятельностью. Самовозрастающей и самодостаточной, — как логос в античной системе космоса. Всё, что ни есть, должно быть узаконено. От отвода стоков в реку до вылова раков в пруду. От уборки зерновых до морковкина загovenья. От правил вождения велосипеда до запрета хождения по газонам. А там хоть трава не расти...

МЕЖДУ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ И ДУХОВНОСТЬЮ

Согласно утверждению великого диалектика Гегеля, *всё действительное — разумно, всё разумное — действительно*. Если это не всегда так, по крайней мере, хочется, чтобы так было. Страна, в которой нет уверенности в разумности своей действительности — страна без суверенности: территория, обречённая стать сферой влияния других государств, убеждённых в своём эвристическом превосходстве. Уверенность народа в себе обретается, хранится и утрачивается в культуре. Исторические подъёмы и спады суть проявления концентрации или кризиса национального самосознания.

Однако наша правящая элита убеждена, что для утверждения государственности нужно укреплять не социальную инфраструктуру, а систему власти. А поскольку средств в казне недостаточно (сколько ни дай чиновникам, им всегда будет мало), дефицит нужно покрыть за счёт сокращения расходов на роскошь. Согласно известному высказыванию Сент-Экзюпери, самая большая роскошь — роскошь человеческого общения. То есть, социальная сфера. Дураку ясно, что её можно и нужно урезать. Или, как говорит премьер, — *оптимизировать*. Под этим словесным камуфляжем в министерствах идёт игра под свой интерес. А организованная общественность выражает понимание и одобрение вирулентной внутренней политики: всё, что творится на горе стране, делается во благо державы.

¹ Роберт Говард «Нет числа дням».

Первой под сокращение жизненного пространства попадает культурная среда. Схема финансирования культуры — пресловутый *тришкин кафтан*: чтобы сконцентрировать средства на брендах, перспективных в плане пиара, снижаются возможности развития культуры как отрасли. Особенно показательно равнодушие власти к проблемам книгоиздания и книгораспространения.

В сложной системе отношений между разумностью и действительностью книжная премудрость была открытой возможностью для каждого приобщиться к общему смыслу. Литература занималась выяснением отношений данного и должного во всех аспектах действительности. Теперь это назначение словесности в нашей жизни утрачено. Её функции сублимируют пиар-технологии. Тот, кто имеет авторитарную власть над общественным мнением, может трактовать хронику текущих событий без зазрения совести. На выводе идеологии получается вот что: если где-то что-то у нас не так, это не потому, что дело худо поставлено, а оттого, что русского духа в людях не хватает. Поворачивая вопрос таким образом, руководство страны видит свою главную задачу в духовно-нравственном воспитании населения. Власть обращается к народу с назиданием: народ! ты же самый духовный в мире! соберись с духом и возгордись собой... и тебе будет легче терпеть, и нам лучше править.

Впрочем, свести аналитику кризиса к критике власти было бы непростительным упрощением. Проблема намного шире и глубже: не только государство, но и общество утратило понятие об актуальной культуре как первом и главном условии разумной действительности. Это несчастное обстоятельство с печальной очевидностью выявил Год литературы, в организованном порядке проведённый в стране. Само по себе это решение было, безусловно, своевременным и злободневным. В процессе социальных преобразований, происходящих в стране, литература утратила значение высшей инстанции, опосредующей нашу жизнь и определяющей общественное сознание. Современность отрёклась от первородства речи; доброе и мудрое слово более не способно влиять на ход событий. Однако порядок вещей, лишённый высшего смысла, приходит в упадок. В порядке вразумления дурной действительности власти предрождающие возлагают надежды на внедрение духовности.

Духовность как некое особенное состояние сознания — область семантической неопределённости, предоставляющая широкий простор для символических спекуляций. Это понятие отличается бессодержательностью, завуалированной многозначительностью. *Вся беда в том, что локализовать духовность практически невозможно. Оперирование высокими понятиями — самое большое искушение для человека, которому он охотно поддаётся, думая, что уже сам факт обращения к ним возвышает его*¹. Обернитесь вокруг: сколько нищих духом, исполнившись пустого самомнения, норовят стать нам пастырями!

Как соблазн духа встраивается в злобу дня? Просто и настырно. Православная догматика как культурная конъюнктура заменяет схоластику диалектического материализма. Застойный дух пропитывается патриотическим пафосом, — и из этой дурманящей смеси образуется *как бы духовность*. Благонadёжным обывателям, потерявшим историческую ориентацию, причащение к идеологии даётся как избавление от тягостных сомнений и раздумий о судьбах родины. А людям, из корысти поступившим против совести, свидетельство о духовности продаётся в виде индульгенции в счёт непогашенных нравственных обязательств.

Если верить апологетам, явление духовности наращивает своё присутствие в общественном сознании. Официальная хроника до отказа заполнена церковными праздниками и памятными датами, патриотическими акциями и гражданскими

¹ Мераб Мамардашвили «Мысль в культуре».

инициативами, массовыми мероприятиями и торжественными церемониями. В государственном дискурсе душеспасительные акценты и духоподъёмные моменты становятся фирменными брендами правительственного курса, оторвавшегося от действительности. Возникает подозрение, что национальная идея потеряла эмпирическую ориентацию, и её ревнители пытаются переформатировать её в идеологию, заместив *праксис*¹ *пафосом*². Иначе говоря, бюрократическая практика покрывается патриотической патетикой, и правящая элита, сплотившаяся под знамёнами и хоругвями, парадным маршем уходит от обвинений в коррумпированности и некомпетентности.

Если правительство всерьёз озабочено судьбой страны, не духовность нагнетать надо, а действительность налаживать. То есть культивировать национальную почву, — чтобы разумное, доброе, вечное, посеянное истинными подвижниками духа, проросло плодами просвещения в массовом сознании, — ныне отданном во власть словоблудов и пустосвятов и превращённом в духовную пустошь.

Дух эпохи, растерявшийся между действительностью и духовностью, забывает о том, что было в нём хорошего, пропитывается злобой дня и становится злым духом. И ни крест, ни пентаграмма не защитят от него разобщённое общество, растерявшееся между духовностью и действительностью.

ЛИТЕРАТУРА И НОМЕНКЛАТУРА

По окраинам информационного поля прошёл слух о том, что патриотически ориентированные парламентарии обсуждают проект закона об обязательном прохождении военной службы для государственных служащих. Концепция законопроекта проста: к конкурсу на замещение ответственной должности впредь не будут допускаться лукавые уклонисты, не обученные ходить строем и стоять смирно. Ну и, значит, не наученные (теми же ретивыми сержантами) родину любить. Резон ясен: путём целенаправленной селекции улучшить качественный состав отечественного чиновничества.

Интересная идея. Но не лучше ли подумать о том, чтобы для претендентов на место в системе управления страной ввести тест на коэффициент интеллектуальности и установить культурный ценз? От такого подхода пользы для дела было бы много больше. Без умения тянуть ногу и тянуться в струнку менеджер может быть эффективным, а вот без интеллекта и кругозора — вряд ли. Надо, чтобы тот, кто должен решать общие проблемы, для начала был способен их понимать. Значит, в первую очередь должно проверяться умение должностного лица формулировать вопросы и давать ответы. А для этого ему как минимум надо хорошо владеть родным языком. Только в сфере языка зарождается и утверждается социальное согласие. *Язык и, думается, литература — вещи более древние, неизбежные, долговечные, чем любая форма общественной организации*³.

Самой успешной в истории номенклатурой была китайская бюрократия. Кадровые чиновники (*мандарины*) пять тысяч лет поддерживали порядок в Поднебесной империи — несмотря на все исторические катастрофы, вызванные нашествиями варваров, мятежами генералов или безобразиями императоров. Так вот, претенденты на все должности в обязательном порядке сдавали серьёзные экзамены, главным из которых была литература. Кто не понимал притч Кун-цзы и Лао-цзы, не помнил строк

¹ Праксис (греч. praxis — действие) — направленность к практической деятельности.

² Пафос (греч. pathos — воодушевление) — направленность к возбуждению эмоций.

³ Иосиф Бродский «Лица необщим выраженьем».

Ли Бо и Ду Фу и сам был не способен сочинить стихи на заданную тему, тому нечего было рассчитывать на карьеру.

Не ввести ли и у нас подобную практику? Чтобы те, кто не могут внятно ответить, сколько человеку земли нужно и почему мировая гармония не стоит слезинки ребёнка, не могли претендовать на ответственные посты в стране по имени Россия (Российская Федерация). В дворники такого определить можно, а в начальники никак нельзя.

А если случится так, что прошедший испытания и утверждённый в должности претендент не выдержит искушения властью? Если всё равно будет судить не по правде и служить не по совести — как его за то наказывать? Аксиома естественного права, основанная на здравом смысле, утверждает: наказание должно быть соразмерно преступлению. Однако в правовом государстве законодательная база и пенитенциарная система оставляют мало места для юридического творчества. Хорошо бы расширить судебную практику за счёт внедрения нетрадиционных методов исправления криводушных менеджеров...

Один из японских князей XVI века, дайме клана Симадзу, установил для нерадивых самураев особую меру воздействия — заключение в монастырь. *Ослушники, находясь в монастыре, должны были заниматься изучением конфуцианских текстов под присмотром главного монаха; когда они достигали прогресса в понимании классики, им возвращали первоначальную свободу*¹. Какая гениальная идея! — направлять нарушителей общественного порядка на исправительные умственные работы. В этом есть прямой резон: тупой физический труд, в котором нет никакого интереса, только озлобляет осуждённого, а духовное напряжение, обусловленное вдумчивым чтением, волей-неволей будет поднимать уровень его сознания.

Может, и наших нечестивых чиновников, преступивших черту и потерявших лицо, следует отправлять в Соловки — досконально изучать «Красное колесо» Александра Солженицына: *повествование в отмеренных сроках*, изложенное на семи тысячах страниц и состоящее из *двух действий и четырёх узлов*, — и пока (под строгим присмотром главного филолога) не распутают в уме все узлы, обратно в мир не выпускать ни под каким видом.

СВОБОДА СЛОВА И СВОБОДА СОВЕСТИ

От классической античности до развитого постмодерна в полемическом словаре имеет хождение красивое изречение, в котором декларируется приоритет аргументов перед сантиментами: *Платон мне друг, но истина дороже*. Так сказать, кредо правдолюбия. Однако в трудные времена старинный афоризм обретает характер сарказма: справедливость обходится слишком дорого, и никто не хочет за свой счёт оплачивать правоту Платона. Цена честного слова так возросла, что бедному интеллигенту она не по карману. Что же касается тех, кто при деньгах — одним горькая правда не по вкусу, а другим прописная истина не по уму.

Критики информационного общества говорят о том, что независимой прессы не может быть по определению, поскольку любое средство информации так или иначе кто-то финансирует. Если не государство, значит, частное лицо или группа лиц. Ежу ясно, что издатель не благотворитель: у него в деле свой интерес. Какая уж тут независимость... Кто платит, тот и заказывает истину.

¹ Дайсэцу Т. Судзуки «Дзэн и японская культура».

Однако в социально-психологическом анализе общественной жизни смешиваются две однородные, но не однозначные вещи: свобода слова и свобода совести. Говорить, что думаешь, и думать, что говоришь, — всё-таки не одно и то же. Тот, кто избрал своим делом работу со словом, должен зарабатывать своим ремеслом, но не торговать своим талантом. В нормальной обстановке так и происходит: каждый журналист сотрудничает с теми СМИ, чьи редакционные установки соответствуют его убеждениям. Конечно, порой ему приходится слегка лукавить, но никто не принуждает его нагло лгать. Такова жизнь. Что ж, — так жить можно...

Однако когда социальное напряжение возрастает до кризисного состояния, на границе частного и публичного пространства учреждается таможня, где личные мнения подвергаются досмотру, а мысли делятся на дозволенные к высказыванию и запрещённые к обращению. Это означает, что в гражданском обществе явочным порядком вводится военное положение. Начинается необъявленная информационная война, а на войне, сами понимаете, как на войне: кто не с нами, тот против нас. Всякому своеволию приходит конец. Когда говорят пушки, музы молчат. Согласно особым полномочиям, предусмотренным законом о цензуре, штатные идеологи заклеивают скотчем рты всем девяти каменам, а матери их, богине памяти, надевают мешок на голову.

Не надо думать, что редактирование правды свойственно только авторитарным режимам, — старые демократии отработали внутренний контроль над публичным пространством до такой изошрённости, что против либерального канона никто слова не скажет без того, чтобы не оказаться под риском остракизма. Свободное общество, где толерантность является латентной формой идеологии, обладает такими мощными способами принуждения, что тому, кто захочет жить не по лжи, век воли не видать.

Если власть над общественным мнением забирает идеология, перегораживающая течение речи частыми сетями цензуры, значимое молчание остаётся заводью вольномыслия. Слово объединяет единомышленников, а молчание сплывает.

Надежда человечества в том, что в сознании людей социальность сильнее эгоцентричности, а человечность сильнее социальности. Свобода слова и свобода совести в сознательной личности соотносятся как две ипостаси человеческого достоинства.